

Иванова Ольга Эрнстовна

КОММУНИКАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА (В ЯЗЫКОВЫХ ИГРАХ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И К.-О. АПЕЛЯ)

Статья раскрывает особенности понимания смысла в коммуникации, принципиальная возможность которого объединяет аналитическую философию языка Л. Витгенштейна и трансцендентально-герменевтическую концепцию языка К.-О. Апеля. Автор реализует указанную цель посредством выявления сущности понятий "смысл", "понимание", уделяя особое внимание анализу условий понимания смысла на примере языковых игр как систем коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 87-91. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 165.24

Статья раскрывает особенности понимания смысла в коммуникации, принципиальная возможность которого объединяет аналитическую философию языка Л. Витгенштейна и трансцендентально-герменевтическую концепцию языка К.-О. Апеля. Автор реализует указанную цель посредством выявления сущности понятий «смысл», «понимание», уделяя особое внимание анализу условий понимания смысла на примере языковых игр как систем коммуникации.

Ключевые слова и фразы: взаимопонимание; коммуникация; понимание; смысл; трансцендентальная языковая игра; языковые игры.

Ольга Эрнстовна Иванова, к. филос.н., доцент

Кафедра общегуманитарных и социально-экономических дисциплин

Челябинский государственный педагогический университет (филиал) в г. Миассе

74oliva@list.ru

КОММУНИКАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА (В ЯЗЫКОВЫХ ИГРАХ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И К.-О. АПЕЛЯ)[©]

Коммуникация есть «вместилище» и условие понимания смысла. Основанием проявления смысла как естественной способности человека служит соответствующая особенность речи как системы коммуникации. Представления об этом разворачиваются в языковых играх Л. Витгенштейна и К.-О. Апеля. Выявление особенностей понимания смысла в коммуникации предполагает обращение к сущностным характеристикам исследуемых понятий и анализ их соотношения.

Одним из ключевых моментов представлений Витгенштейна можно определить указание на смысл «Логико-философского трактата», сводимого автором к двум высказываниям: «То, что вообще можно сказать, можно сказать ясно, а о том, о чем нельзя говорить, должно хранить молчание», проводя, таким образом, границу мыслепроявлению. Исходя из того, что эта «граница может быть проведена лишь внутри языка, то, что лежит по ту сторону границы, будет просто лишено смысла» [5, с. 14], существование смысла связано только с речевой деятельностью (речевой коммуникацией). Человеческий мир ограничен его языком, дан речевой деятельностью – в языке и посредством речи. «Границы моей речи указывают на границы моего мира», – подчеркивал Л. Витгенштейн [Там же, с. 180].

Коммуникация выступает основой мира на основании того, что «мир – совокупность фактов, но не вещей» [Там же, с. 20], тогда как фактами выступают вещи, находящиеся в соединении с другими вещами.

Логико-философский трактат Витгенштейна определяет Смысл, в первую очередь, как смысл картины, в основе утверждения которого лежит коммуникативная идея. «Чтобы узнать, истинна картина или ложна, мы должны соотнести ее с реальностью», – писал Витгенштейн [Там же, с. 52]. Заметим, что вводимое понятие картины мира является одним из ключевых понятий Трактата (наряду с Пропозицией, Вещью, Ситуацией, Фактом, Положением Вещей и т.д.) и Философских исследований. Витгенштейновская картина – это модель реальности, элементы которой замещают в ней предметы реальности и соединены друг с другом таким же определенным образом, как и вещи (в реальности). Для того чтобы быть картиной реальности, картина должна иметь нечто общее с реальностью. Это соответствие (или несоответствие) картины реальности позволяет сделать вывод об истинности или ложности картины.

Смыслом картины Витгенштейн называет изображаемое картиной (то, что изображено на картине). Если Смысл картины соответствует реальности, такая картина является истинной, в свою очередь, при несоответствии обнаруживается ее ложность. Таким образом, смысл картины, определяемый ее соотношением с реальностью, обнаруживает коммуникативную идею прагматической конвенциональности и может быть понят, исходя из указанного соотношения. Бессмысленность связана у Витгенштейна с разрозненностью и бессистемностью; она не обладает связью с реальностью, подобно тому, как бессмысленность обнаруживает метафизические вопросы, позиции философского монизма или дуализма, имеющие дела с формальными понятиями, отрицаемыми Витгенштейном в их существовании, как не соотносимыми с реальностью.

Понимание смысла в коммуникации утверждается через обращение к еще одному из ключевых понятию Трактата – понятию Пропозиции. Пропозиции – это особые (сложные) структуры, возникающие в результате группировки имен (простых знаков, использующихся в пропозиции). Пропозиции – это логические картины (элементы которых связаны между собой), соответствующие положению вещей. Важной чертой пропозиции Витгенштейн считает возможность проявлять смысл, уточняя, что проявление представляет «все то, что существенно для смысла пропозиции, то, что пропозиции могут иметь общего друг с другом» [Там же, с. 70]. Общие пропозиции проявляют одинаковый смысл. Так, В. Руднев дает толкование этого тезиса Витгенштейна в терминологии генеративной грамматики Хомского. В частности, два предложения: «мальчик съел мороженое» и «мороженое съедено мальчиком» проявляют один и тот же смысл при различии активного и пассивного залога в отношении мальчика, что «является несущественным для логического

(в данном случае глубинного) синтаксиса» [Там же, с. 80]. Учитывая, что совокупность пропозиций, по Витгенштейну, представляет речевую деятельность, в ней, соответственно, и проявляется смысл.

Более того, смысл в пропозиции может проявляться даже в том случае, если человеческая речь маскирует (скрывает) мысль как пропозицию, обладающую смыслом. Исходя из того, что речь относится к естественным способностям человека, к ним же можно отнести и способность проявлять (поскольку это происходит в речи) смысл. При этом следует учитывать, что речь человека не всегда предполагает знание о порождении отдельных звуков. Следовательно, справедливо замечание Витгенштейна о том, что «разговорная речь является частью человеческого организма, не менее сложной, чем он сам» [Там же, с. 87]. Подобно этому ведет себя и проявление смысла в речи. «Человек, – отмечает Витгенштейн, – обладает способностью строить речь, при помощи которой дает себя проявить любой смысл без того, чтобы иметь какое-то представление о том, как и что обозначает каждое слово» [Там же].

Однако пропозиция может быть и лишена смысла, причина тому – отсутствие соответствия нечто ей в реальности, поскольку «она не обозначает никакой вещи, свойства которой называются “истиной”» [Там же, с. 101]. Такое отсутствие смысла (по причине его несоответствия вещам в реальности) влечет за собой невозможность его понимания в коммуникации: несуществующее не может быть понято. Кроме того, возможности самой речевой коммуникации ограничены, если исходить из витгенштейновского тезиса о том, что *можно* показать, *нельзя* сказать. Соответственно, невысказанный смысл не понимаем.

Адекватное (корректное) понимание смысла в коммуникации выводит нас на проблему дефиниции. Трансформации смысла в коммуникации не произойдет при условии корректности дефиниции, исходя из того, что Витгенштейн дает следующее определение дефиниции. «Дефиниции – это правила перевода с одного языка на другой. Каждая корректная знаковая система должна быть переводима в любую другую в соответствии с этими правилами: и это и есть то, что все они имеют общим» [Там же, с. 82]. Адекватное (корректное) понимание смысла предполагает, что в процессе речевой коммуникации не должна нарушаться передача существенного, между сообщаемым и получаемым (сообщением) должно присутствовать (сохраняться) нечто общее. Точнее говоря, понимание есть «усмотрение связей» – использование выражения в знакомом значении; оно коммуникативно по сути.

Кроме того, условием адекватного понимания смысла в коммуникации является понимание логики человеческой речи. Утверждая, что на многочисленные философские вопросы невозможно ответить исключительно в силу лишенности их смысла, Витгенштейн ориентирует на снятие (а не развитие, углубление) т.н. псевдопроблем философии, вызванных отсутствием в них смысла. Поэтому не случайно он связывает философию исключительно с «критикой речи». Отсюда и знаменитый витгенштейнизм: «Цель философии – логическое прояснение мыслей» [Там же, с. 104]. Философию Витгенштейн склонен определять как работу, состоящую, по сути, в разъяснении мыслей. «Философия должна прояснить и строго установить границы мысли, которые без того являются словно бы мутными, расплывчатыми» [Там же]. Это представление о назначении философии согласуется как с представлением о смысле пропозиции, следующем из ее соответствия или несоответствия реальности, так и с представлением о том, что понять – значит ясно рассмотреть.

Понимание смысла происходит в процессе овладения человеком языковыми играми. Понятие «языковые игры» Л. Витгенштейн определяет в Коричневой и Голубой книгах и разворачивает в Философских исследованиях. Языковые игры – это системы коммуникации, в большей или меньшей степени похожие на «игры» в обыденном языке, не исключаящие и их развлекательный характер. Витгенштейн не ограничивается рассмотрением языковых игр как незавершенных частей языка, для него языковые игры представляют нечто цельное, самостоятельное, это – «полные системы человеческого общения» [3, с. 235].

«Единым целым» Витгенштейн называет языковые игры, имея в виду «язык и действия, с которыми он переплетен» [4, с. 83]. Существенным для языковых игр является отсутствие в них общего. Между тем, Витгенштейн не отрицает наличие некоторых связей между различными языковыми играми, будь то шахматная игра или спортивное состязание, называя их родственными связями. Эти «родственные связи» – подобия, представляющие сложную сеть связей, «накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, имеющих сходство в большом и малом», – Витгенштейн характеризует как семейные сходства, аналогичные сходствам черт, присущих семьям, «ибо также накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д.» [Там же, с. 111]. Коммуникация языковых игр достигается благодаря семейным сходствам как реального многообразия способов описания языковых игр.

В основании любой языковой игры лежит узнавание слов и предложений, несущих смысл. Языковые игры – это начальная форма знакомства с миром. Как формы языка, с помощью которых ребенок осваивает слова, языковые игры представляют его примитивные формы, исследование которых не следует недооценивать. «Если мы хотим изучать проблемы истины и лжи, согласованности и несогласованности высказываний с действительностью, проблемы природы утверждения, восклицания и вопроса, мы будем с огромным вниманием наблюдать за примитивными формами речевой деятельности, в которых эти формы мышления появляются в чистом виде, не смешанные с основаниями высоко усложненных процессов мышления» [2, с. 358].

Понимание предложения есть следование правилам языковой игры. «Понимать предложение, – определяет Витгенштейн, – значит понимать язык» [4, с. 162]. Таким образом, у Л. Витгенштейна понимание смысла в коммуникации определяется языком – «языковыми играми». Понимать смысл в коммуникации – значит, понимать язык (повседневный язык), на котором он высказывается. Будет ли смысл адекватно понят – зависит от того, как человек использует язык во взаимодействии с другими людьми. В Философских исследованиях

Витгенштейн готов признать, что иначе понимающий предложение иностранец и выскажет его иначе, чем мы. Понимание смысла в коммуникации – определенная умственная процедура, предполагающая такую передачу сообщения в языковых играх, при которой неизменной остается его сущность, соотносимая с реальностью. Одинаковый смысл могут иметь сокращенное и несокращенное предложения: одинаковый смысл заключается в их одинаковом применении. Процедура понимания смысла в коммуникации не предполагает его разделение разными участниками взаимодействия.

Витгенштейновское понимание предполагает действие в соответствии с определенным *правилом*, которое, в свою очередь, выступает, образно говоря, как «дорожный указатель», не исключая, однако, сомнения относительно избранного пути. Точнее, полагая эмпирически, «он иногда оставляет место сомнению, а иногда нет» [Там же, с. 119]. Витгенштейн выделяет «достоверное понимание». В связи с этим ценно его критическое предупреждение о том, что «достоверное понимание возможно лишь в том случае, если сперва усомниться во всем, в чем можно усомниться, а затем устранить все эти сомнения» [Там же, с. 120].

Но что тогда является *правилом*? В правилах заложена идея коммуникации: правилу (некоему регулятиву) в игре следует не один человек и не единожды (на протяжении всей игры). Рассуждения автора Философских исследований обоснованно подводят нас к некоей определенности правил, с которой связана и определенность смысла. Более того, смысл уже есть нечто определенное, точнее он должен быть определенным, подобно тому, как нечеткая граница не является границей как таковой. Витгенштейн, выражая суть смысла, замечает, что неопределенный смысл «вообще не был бы смыслом» [Там же, с. 125]. Следуя логике, где не может быть неопределенности, мы распространяем подобное представление и на действительность. «Мы верим: идеал должен скрываться в реальности, ибо полагаем, что уже усматривали его там», – замечает Витгенштейн [Там же]. Следуя указанному пути, сами того не замечая, мы вводим себя в заблуждение. Мы пытаемся рассматривать действительность, повседневный язык с точки зрения строгости и ясности, присутствующим логике, и обнаруживаем существование противоречия между требованием к языку и реальным языком и впоследствии вынужденно подвергаем сомнению строгость логики.

Чтобы избежать этого конфликта, Витгенштейн и предлагает определять языковые игры моделями – некими мерилками, которые «своими сходствами и несходствами призваны пролить свет на возможности нашего языка» и отказывается от догматизма идеала как «заведомо верной идеи, которой должна соответствовать действительность» [Там же, с. 131]. Использование языковых игр как моделей позволит преодолеть неправильность (пустоту) утверждений. Указанное подкрепляется предложением Витгенштейна вернуться от метафизического употребления слов к обыденному.

Следование правилу возможно даже и в том случае, если происходит замена одного выражения другим. Указанный процесс есть интерпретация языка. Условием интерпретации выступает коммуникация. «Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык» [Там же, с. 164]. Данную идею Витгенштейна можно считать выходом на особый статус «взаимопонимания» К.-О. Апеля.

Идею коммуникации как условия понимания смысла представляет и трансцендентально-герменевтическая концепция языка К.-О. Апеля, одного из основоположников современной философии постмодерна. То, что он продельывает, есть, по его собственному выражению, «трансцендентально-герменевтическая рефлексия над условиями возможности языкового взаимопонимания в безграничном коммуникативном сообществе», закладывающая «основание единства *prima philosophia* как единства *теоретического* и *практического* разума» [1, с. 262].

Однако Апель, в отличие от Витгенштейна, рассматривавшего субъект-объектную коммуникацию, подходит к языковой игре как к субъект-субъектной коммуникации, обнаруживая стремление ввести понятие коммуникации в ряд основных философских понятий. Его intersubjective коммуникация выступает первоначальным контекстом, в котором он анализирует роль языка – исходной реальности человеческого бытия. Intersubjective коммуникация, не редуцированная языковым сообщением в подразумеваемом, есть смыслопонимание, она представляет «понимание смысла слов и бытийного смысла вещей, опосредованных словесными значениями» [Там же, с. 242].

Резюмирующая характеристика Апеля определяет языковые игры Витгенштейна как «конституируемые неким правилом поведения единства языкового употребления, жизненной формы и освоения мира» [Там же, с. 85]. Языковые игры тесно связаны с обычной жизнью, они реализуются как «переплетенные с жизненной практикой прагматические квазиединства коммуникации или взаимопонимания» [Там же, с. 257].

Анализируя концепцию языковых игр, Апель заостряет внимание на том, что их создатель не опровергает идею трансцендентализма в коммуникации. Это служит для него основанием ввести понятие «трансцендентальная языковая игра» как некоей универсальной игры неограниченного коммуникативного сообщества. В отсутствие указанной языковой игры Апель усматривает ограниченность рассуждений Витгенштейна, поскольку рассматриваемые им языковые игры «превращаются в объекты эмпирико-аналитической науки в духе “logic of science”» [Там же, с. 220], что свойственно редукции логического эмпиризма, объявляющего языковыми играми данные, которые можно наблюдать и описывать. Таким образом, языковые игры, утратив бы трансцендентальное достоинство в случае интерпретации в духе бихевиоризма, потеряли бы и отношение к феноменам мира. В противопоставление логике науки, Апель выдвигает тезис о должностном ответе на кантовский вопрос о трансцендентальных условиях возможности и значимости науки. Однако он не выступает при этом ортодоксальным кантианцем и, учитывая современный исследовательский интерес

науки к языку, дополняет данную точку зрения, утверждая, что вопрос о трансцендентальном субъекте науки должен быть опосредован пониманием трансцендентального достоинства языка. Кроме того, еще одним основанием для введения трансцендентальной языковой игры может выступить тот момент, что языковая игра Витгенштейна сама по себе обладает трансцендентальным достоинством, т.е. сущностно Апелю не входит в противоречие с Витгенштейном.

Трансцендентальная языковая игра универсальна, она предполагается различными формами жизни как условие возможности и значимости взаимопонимания. Мысль о ключевой роли взаимопонимания не разворачивается, но и не опровергается Витгенштейном; языковые игры, определенные моделями, в ходе которых возникают отношения между смыслом предложения и субъектом, рассматриваются с точки зрения требований логики.

Апель в этом идет дальше Витгенштейна, подчеркнуто артикулируя идею понимания как взаимопонимания участниками коммуникации. Он определяет взаимопонимание центром и достоинством трансцендентальной языковой игры, имея в виду взаимопонимание, достигаемое в языке. Трансцендентальная языковая игра есть подлинное условие взаимопонимания. Реальная основа и генетический исходный пункт такой языковой игры заключаются «в фундаментальных фактах жизни рода человеческого» [Там же, с. 230].

Принципиальная возможность универсальной коммуникации предполагает идею универсального взаимопонимания в качестве регулятивного принципа, понимаемого в кантовском смысле. Только исходя из «регулятивного принципа» может мыслиться смысл понятийно-языковой коммуникации. Понятийно-оформленный язык «позволяет осмысленно рассчитывать на удовлетворение требования достижения intersубъективно значимых “сущностных” определений... со стороны понятийно-языкового взаимопонимания безграничного коммуникативного сообщества» [Там же, с. 258].

Такое взаимопонимание универсально и в том смысле, что благодаря ему должна учитываться и значимость результатов общеисторического масштаба. Действия этого регулятивного принципа не ограничиваются нелинейной (интерактивной, intersубъективной) коммуникацией, он работает даже в ситуации односторонней (линейной) коммуникации, «в отношении тех, кто уже не в состоянии отвечать». Кроме того, регулятивный принцип, должен, в частности, инициировать ситуацию предвосхищения, «послужить поводом для того, чтобы интерпретатор текста контрфактически актуализировал возможные ответы и со стороны критикуемых авторов» [Там же, с. 292]. Идея взаимопонимания как регулятивный принцип рассматривается Апелью и применительно к предполагаемому (идеальному) и подлежащему формированию (реальному) безграничному «коммуникативному» или «интерпретативному» сообществу.

Однако насколько обоснованы претензии на универсальность идеи взаимопонимания в контексте экзистенциальных пограничных ситуаций? В наиболее острой форме вопрос о применимости этого регулятивного принципа встает относительно ситуации одиночества. Предложение Апелью сводится к формализации, совместно с Сартром, категорического императива Канта (или принцип транссубъективности Лоренца) до такой степени, чтобы применять его и в пограничных случаях, «когда требуются абсолютно единственные в своем роде решения». Даже при отсутствии коммуникации и в ситуации невозможности компромисса, вынуждающей мнимо преступить все моральные нормы, индивид, по Сартру, «может намеренно действовать, представляя человечество: когда он выбирает себя, он может выбрать человечество. В этом случае любой другой, кто в состоянии поставить себя на его место, может впоследствии выразить свое согласие с ним и тем самым констатировать выполнение моральных норм коммуникативного сообщества» [Там же, с. 329]. Таким образом, обнаруживается проявление экзистенциализма как гуманизма.

С решениями, принимаемыми в одиночестве, связана идея универсального взаимопонимания как «регулятивного принципа критического установления консенсуса»: «в рефлексивном стремлении к самопониманию выявлять возможную критику со стороны коммуникативного сообщества. Вот в чем, по-моему, – замечает Апель, – состоит принцип возможной моральной самотрансценденции» [Там же, с. 335].

На взаимопонимание апелевский человек буквально обречен как обладающий, в отличие от животных, языком. Взаимопонимание у него не артикулируется исключительно в экзистенциальном контексте: в первую очередь, оно связано со смыслом. По замечанию Апелью, люди вынуждены «приходить к “взаимопониманию” относительно критериев смысла и значимости наших поступков и познания» [Там же, с. 220]. Апелью вводит понятие «смысловое взаимопонимание», которое в коммуникативном сообществе ученых есть «согласие». Согласованное понимание смысла безграничного коммуникативного сообщества, «языковой консенсус», выступает условием языкового предпонимания мира: «говоря идеально, языковое предпонимание мира должно было бы вытекать из смыслового взаимопонимания безграничного коммуникативного сообщества» [Там же, с. 244].

Таким образом, смысл есть контекстуальная сущностная определенность, проявляющаяся в коммуникации – «в» и «при помощи» речи (языковых играх), задающей условия как его понимания, так и непонимания. Понимание смысла есть ясное рассмотрение высказываний обычного языка при передаче существенного, происходящее в языковых играх (модели, едином целом языка и действительности, регулируемым правилом, обладающим определенностью). Универсальной языковой игрой является трансцендентальная языковая игра как условие смыслового взаимопонимания. Смысл невозможно понять, если он не соотносим с реальностью, не высказан и не является определенным. Если Витгенштейн связывает понимание с пониманием языка предложений, подчеркивая важность повседневного языка, за которым «скрывается» логическая форма универсального языка, то Апелью «раскручивает» понимание до взаимопонимания, подходя к языку как к трансцендентальной величине.

Список литературы

1. **Апель К.-О.** Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.
2. **Витгенштейн Л.** Голубая книга // Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
3. **Витгенштейн Л.** Коричневая книга // Там же.
4. **Витгенштейн Л.** Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
5. **Витгенштейн Л.** Tractatus logico-philosophicus // Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.

**COMMUNICATION AS MEANING COMPREHENSION CONDITION
(IN K.-O. APEL AND L. WITGENSTEIN'S LANGUAGE GAMES)**

Ol'ga Ernstovna Ivanova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
*Department of General Classical and Social-Economic Disciplines
Chelyabinsk State Pedagogical University (Branch) in Miass
74oliva@list.ru*

The author reveals some features of meaning comprehension in communication which essential possibility combines L. Wittgenstein's language analytic philosophy and K.-O. Apel's language transcendental-hermeneutic conception and realizes the specified target by identifying the content of the notions "meaning" and "comprehension", paying special attention to the analysis of meaning comprehension conditions by the example of language games as communication systems.

Key words and phrases: mutual comprehension; communication; comprehension; meaning; transcendental language game; language games.

УДК 7.036

В статье рассматриваются особенности художественной жизни страны в 1930-е годы. На конкретных фактах показывается неоднозначность этого периода, которая заключалась в соединении противоположных тенденций в идеологических кампаниях и практике реальной художественной жизни. Наряду с изытанием левого искусства начала века из музеев и жесткими кампаниями против формалистов в прессе, наблюдалось активное участие «формалистов» в многочисленных выставках в стране и за рубежом. Власть практиковала насаждение официальной идеологии силами самих художников.

Ключевые слова и фразы: изобразительное искусство; художественные группировки; Московский союз художников; соцреализм; формализм; выставки.

Борис Игоревич Иогансон

*Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, с. Константиново Рязанской области
copogon@mail.ru*

ПАРАДОКСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В 1930-Е ГОДЫ[©]

В последнее время отечественное искусствознание начало избавляться от наработанных штампов и мифов о художественной жизни советского периода, в которой акцентировалось противостояние гонимого в советские времена искусства, получившего общее наименование «авангард», официальному советскому искусству, исповедовавшему социалистический реализм. В начале постсоветской эпохи оценки всего «тоталитарного искусства» были однозначно отрицательны, как естественная реакция на многолетнюю пропаганду и однообразное славословие социалистического реализма. Возникла резко полярная картина, но с противоположными оценками, когда превозносимое советской пропагандой искусство социалистического реализма было развенчано, а хулимый авангард возвеличен. Весьма распространенным стало представление о том, что передовое авангардное русское искусство было растоптано и удушено советской властью, а вместо него восторжествовало специфическое лакировочное направление социалистического реализма, полностью подневольное и сервильное искусство в условиях жесткой сталинской диктатуры. Крылатым выражением стало название сборника, оторвавшееся от первоисточника и получившего самостоятельный статус безупречной формулы – «авангард, остановленный на бегу» [1].

Только постепенно, в результате тщательного художественно-исторического анализа, предпринятого рядом современных искусствоведов и историков культуры, эта картина стала выправляться в сторону объективного освещения истории и содержания советского искусства [5; 9; 10]. Отечественным искусствознанием пройден определенный путь, начавшийся с развенчания советского мифа и продолжающийся попытками его